

Очередной учебный день подошел к концу. Взрослые и дети разошлись по своим домам, и в поместье Е наконец воцарилась тишина.

Пышные огненные облака окрасили полнеба в багрянец, ложась теплым отсветом на сельские тропинки; где-то в лесной глуши слышались крики птиц и зверей, возвращающихся в свои гнезда и норы.

Е Цзюньшу снял с дворовых перекладин пышные ватные одеяла и занес их в дом. Воспользовавшись погожим деньком, он, по совету Мин-аму, вынес постели на просушку. Прогретые за день на солнце, одеяла стали удивительно мягкими и уютными, от них исходил тот самый неповторимый аромат свежести и тепла. Цзюньшу не знал, какая магия в этом скрыта, но все в деревне верили: если хорошенько прожарить зимнее одеяло на солнце, оно будет согревать куда лучше.

Убрал постели, Е Цзюньшу направился на задний двор.

Две грядки — всё, что осталось от их огорода — ютились за домом, обнесенные простым плетнем. Раньше у Цзюньшу никак не доходили руки до земли, и огород почти зарос бурьяном. Но внезапно кто-то из соседей вызвался помочь: землю аккуратно перекопали, выпололи каждую соринку и даже засеяли овощами, что растут быстрее прочих. Теперь там зеленел лук, пробивалась черемша, кудрявился салат...

Когда односельчане между делом обмолвились об этом, Цзюньшу сходил проверить — и правда, крохотные изумрудные ростки уже проклюнулись сквозь почву, рассыпавшись по грядкам очаровательными зелеными каплями. С тех пор улыбка не сходила с его лица.

Обойдя огород, он заметил, что земля подсохла. Цзюньшу принес несколько ведер воды и аккуратно увлажнил почву, стараясь не залить нежные всходы. К счастью, их дом стоял на отшибе, далеко от общего деревенского колодца, поэтому в свое время отец пригласил мастеров, и те вырыли колодец прямо во дворе. Своя вода под рукой — великое подспорье в хозяйстве.

Закончив с поливом, Цзюньшу сорвал несколько перьев зеленого лука — решил вечером побаловать домашних лепешками с ароматом зелени. Видимо, кто-то пересадил лук из своего огорода, и он уже вполне прижился.

Едва переступив порог кухни, Цзюньшу увидел забавную картину: Лу-гэр, взобравшись на маленькую табуретку, изо всех сил тянулся на цыпочках, пытаясь накрыть тяжелой деревянной крышкой большой котел.

Тот факт, что Лу-гэр так неуверенно качался на табуретке, заставил сердце Е Цзюньшу уйти в пятки.

Он поспешно подошел, перехватил крышку и с укором сказал:

— Мы же договаривались? Ты еще маленький, тебе нельзя этим заниматься. Вот подрастешь, тогда и будешь помогать, а пока — вдруг поранишься?

— Но я хотел помочь брату, чтобы ты не так сильно уставал, — Лу-гэр поднял на него глаза.

— Брат не устает. Будь умницей, если я сказал, что чего-то делать нельзя — значит нельзя, нужно слушаться. — Малыш едва дотягивался до края плиты, куда ему тягать такие тяжести? А если на ногу уронит или сам упадет?

Но видя, как Лу-гэр расстроился, Е Цзюньшу протянул ему пучок лука:

— На, лучше помоги мне помыть лук. Сейчас брат напечет вам лепешек с зеленью. — Он уже оборвал корешки, оставалось только убрать желтые перья и сполоснуть.

— Угу!

Цзюньшу налил воды в таз, поставил его на пол, и Лу-гэр, присев рядом, принялся за дело. Лу-гэр явно собирался варить кашу: рис уже был промыт и засыпан в горшок. Е Цзюньшу проверил уровень воды — налито было идеально — и, накрыв котел крышкой, развел огонь.

Когда дрова весело затрещали, Цзюньшу присел на низкую скамеечку и с нежностью наблюдал, как Лу-гэр, закатав рукава, усердно моет лук.

Он с гордостью подумал: «Какой же у меня рассудительный младший брат!»

— А где Цинь-гэр? — В комнате играет, — Лу-гэр мельком взглянул на брата и продолжил работу. Вскоре всё было готово.

Е Цзюньшу забрал лук, положил его на стол и потрепал Лу-гэра по голове:

— Иди в комнату к Цинь-гэру, поиграйте вместе.

— Не-а, — Лу-гэр юркнул к плите, уселся на маленькую скамейку и, задрвав подбородок, заявил: — Я буду следить за огнем.

Цзюньшу лишь беспомощно вздохнул и оставил его в покое. Он достал из шкафа миску, насыпал муки и принялся замешивать тесто. На ужин сегодня будет каша и лепешки, а еще можно пожарить...

Внезапно раздался пронзительный детский крик.

Е Цзюньшу мгновенно изменился в лице и бросился в комнату:

— Что случилось?! Лу-гэр, семена короткими ножками, в тревоге помчался следом.

В комнате Сяо Шань прижимал к себе заходящегося в плаче Пятого. Лицо среднего брата было бледным от ужаса.

Увидев вбежавшего Цзюньшу, он всхлипнул, и из его глаз брызнули слезы:

— Брат...

Е Цзюньшу поспешно перехватил плачущего ребенка:

— Что произошло?

— Я... я не уследил. Пятый свалился с кана... — пролепетал Сяо Шань, содрогаясь от рыданий.

Лу-гэр подбежал к застывшему от испуга Цинь-гэру, взял его за ледяную ладошку и начал баюкать:

— Цинь-гэр, не бойся, не бойся, маленький...

Цзюньшу увидел на лбу Пятого огромную красно-синюю шишку. У него самого всё заболело от одного взгляда на это. В растерянности он начал ходить по комнате, качая малыша, и одновременно успокаивал Сяо Шаня:

— Сяо Шань, не плачь, всё хорошо.

Отчаянный рев Пятого разрывал Цзюньшу сердце. Его терзали мрачные мысли: а вдруг он сильно ударился головой? Вдруг это серьезно?

Покрывшись холодным потом и забыв о словах утешения для Сяо Шаня, он бросил лишь: «Присмотри за Шестым!» — и поспешил к выходу. Нужно было немедленно показать ребенка врачу.

Едва он переступил порог, как услышал громкий голос Мин-аму:

— Что тут у вас стряслось? На всю округу плач стоит!

Цзян Мин как раз возвращался с поля и, услышав крики из дома Чжоу-цзы, поспешил на помощь.

Е Цзюньшу бросился к нему:

— Мин-аму! Пятый ударился головой, не знаю, насколько всё серьезно. Хочу отнести его к врачу Суну...

— Тише, дай-ка посмотрю, — Мин-аму внимательно осмотрел рану и облегченно выдохнул. — Не переживай, Чжоу-цзы, ничего страшного. Врач не нужен, помажем «красным маслом», и всё пройдет.

— Вы уверены? Но ведь... — Цзюньшу всё еще не находил себе места.

Шишка была огромной, а что если сотрясение? Он в очередной раз проклял неразвитую медицину этих мест.

— У тебя просто опыта нет, — успокоил его Мин-аму. — Дети на то и дети, чтобы вечно набивать себе синяки да шишки. Мой сорванец в детстве вообще «живого места» на себе не имел: то коленка синяя, то локоть ободран, то на лбу рога растут. У меня как раз есть это масло, сейчас принесу, помажем — за пару дней отек спадет.

Сказав это, он стремительно направился к своему дому. Е Цзюньшу, всё еще не до конца успокоившись, посмотрел на Пятого: личико покраснелось от крика, шишка на лбу пылала, глаза опухли. Выглядел он крайне жалко.

Однако опыт Мин-аму в воспитании детей был куда богаче... Цзюньшу вернулся в дом.

В комнате было тревожно. Цинь-гэр, явно напуганный, прижался к Лу-гэру и не отпускал его. Сяо Шань сидел на кане, обнимая Шестого, который тоже плакал за компанию — видимо, чувствовал боль брата. Цзюньшу понял, что в спешке совсем забыл об остальных младших, и те не на шутку разволновались.

Увидев вернувшегося брата, Лу-гэр вместе с Цинь-гэром подбежал к нему:

— Брат, с Пятым всё будет хорошо?

Е Цзюньшу постарался придать лицу максимально спокойное выражение:

— Конечно. Пустяки, сейчас помажем лечебным маслом, и за пару дней всё заживет.

Лу-гэр изо всех сил потянулся вверх, чтобы разглядеть рану. Цзюньшу присел пониже.

Увидев такую огромную шишку, Лу-гэр едва не расплакался от жалости. Он придвинулся ближе и начал усердно дуть на больное место, приговаривая:

— Пятый, не плачь! Боль, улетай, боль, улетай!

То ли «магия» подействовала, то ли Пятый просто выбился из сил, но вскоре он перестал кричать. Он лишь всхлипывал, шмыгая красным носиком и глядя на всех обиженными, полными слез глазами.

Лу-гэр протянул руку, чтобы вытереть ему слезы, но Пятый внезапно схватил его маленькую ладошку своей пухлой ручкой и затих. Глядя на эту стайку малышей, Е Цзюньшу почувствовал, как его сердце окончательно растаяло.

Вскоре вернулся Мин-аму с баночкой снадобья. Он вытащил пробку, окунул в нее палочку и осторожно нанес густую, темновато-красную жидкость на шишку Пятого. Цзюньшу принялся: пахло странно, отчетливо отдавало травами и чем-то еще. Должно помочь.

Закончив, Цзян Мин окинул взглядом притихших детей:

— Ну вот и всё. Пятый в порядке, с детьми всегда так. Сяо Шань в его годы был тем еще разбойником — за ним ему не успевал следить, только и успевали коленки зеленкой мазать да шишки считать. Ерунда всё это.

Только после этих слов Е Цзюньшу по-настоящему отлегло от сердца.

Мин-аму поставил баночку на стол:

— Оставлю это здесь. Чжоу-цзы, не забывай мазать утром и вечером, скоро отек сойдет.

— Спасибо вам большое.

Убедившись, что всё в порядке, Цзян Мин поспешил домой — дела не ждали.

Е Цзюньшу хотел было уложить Пятого в кроватку, но малыш после пережитого стресса был слишком раним. Стоило брату попытаться его положить, как Пятый кривил губки и жалобно всхлипывал, глядя на него полными слез глазами. Цзюньшу пробовал снова и снова, но кроха наотрез отказывался покидать теплые объятия. В итоге ничего не оставалось, кроме как достать длинный отрез ткани и примотать Пятого к себе за спину.

Сяо Шань тем временем качал беспокойного Шестого, но вид у него был совсем понурый. Е Цзюньшу чувствовал, что брат не в себе, но время поджимало — ужин сам себя не приготовит.

Решив, что сначала нужно всех накормить, он распорядился:

— Сяо Шань, пригляди за Шестым. Лу-гэр, поиграй с Цинь-гэром, а я займусь едой.

Лу-гэр порывался помочь на кухне, но, глядя на подавленного второго брата и маленького Цинь-гэра, серьезно кивнул и остался в комнате.

Видимо, случай с Пятым оставил в душе Сяо Шаня глубокий след. С того дня он присматривал за близнецами с каким-то болезненным напряжением, не сводя с них глаз ни на секунду. Даже на уроках он сидел как в тумане, погруженный в свои невеселые мысли. Когда Е Цзюньшу проверял задания, Сяо Шань не мог ни иероглиф вывести, ни строчку из книги повторить — запинался на каждом слове. Видя его поникшие плечи и полные вины глаза, Цзюньшу просто не находил в себе сил ругаться.

«Надо поговорить с ним по душам», — решил он.

<http://bllate.org/book/15226/1347340>